

В МОСКВЕ ВЫШЕЛ АЛЬМАНАХ

В галерее народного художника России Александра Шилова в Москве недавно состоялось оглашение результатов всероссийского литературно-театрального конкурса на соискание премии «Хрустальная роза» имени В.С. Розова за 2004 год. В области литературы ими стали редактор журнала «Наш современник» поэт С.Ю. Куняев и ректор Литературного института им. Горького прозаик С.Н. Есин.

На торжественной церемонии, приуроченной к очередной годовщине со дня рождения патриарха русской драматургии, также был представлен альманах лауреатов премии «Хрустальная роза» за прошлый год. В нем большой раздел уделен нашему земляку орловскому поэту Алексею Шорохову.

А. ИВАНОВА.

Думаешь, Алик-скрюка не женится из-за своей горбатинки? Черта с два. Будто женщинам осанки надо. Захоти он — с руками оторвали бы. Не хочет.

С виду он как барабашка-гномик. Но к судьбе вражлив и буен. Ходит рваным скоком, рубит кулаком по столу, лезет в спор, будто грабитель в сумку.

Тяжкую кудрявую голову держит в порядке, любовно счесывает; лапы, как все скрюки, имеет крепкие; женщин стережет, и не терпит, когда кто-то любит, что и он.

К примеру, раньше он почитал

Была ли полная луна во время другого подвига, никто не помнит, поскольку случилось это не в поселке, а в самом Орле. Но тот блиц вошел в анналы. Рябов вовсе учудил странное.

Он гостил у брата. Отгульная неделя таяла быстро, как сахарный пряник, братьям хотелось не обронить с нее ни крошки. На третий день они пошли в передвижной зоопарк.

Зоопарк только приехал, ставшие турецким полукругом вагоны-клетки еще не успели утопить площадку в тяжелых запахах, звери

сразу вырыл там борозду.

Дальше завопили смотрители, дернули Алика из клетки, взялись бить. Медведь лез на прутья, звал страстно; кровь из плеча хлестала, а братья удирали.

Клясть луну было некогда, рана вышла глубокая, наутро поплелись в больницу.

Там Рябова неприятно поразило то, что приняла его женщина. Причем такого же росточка. И прическа так же горит, будто лампочка. Брат, давно и упорно мечтающий женить его, бодро толкнулся тёртым локтем.

Но Алик знал, что женщины любят сидеть в шкафу, чтоб подстеречь мужа с любовницей. Такую историю он слышал от первоисточ-

Виталий ЕФИМОВ БЕСЛАН

Взрыв на Рижской,
теракты в Сокольниках,
мимоходом скорбь, на бегу...
Но четыреста мертвых
школьников —
Не укладывается в мозг!

Страх, надежды, негодование,
все смешалось в эти три дня.
А потом — сгоревшее здание,
трупы, черные от огня.

В перерывах меж репортажами
вспоминаешь только одно:
матерей, погребенных заживо,
и детей без рук и без ног!

Нереально казались дикими,
подтверждающими обман,
в лужах крови —
букеты с гвоздиками...
Но запомним имя — Беслан!

Имя, схожее с Хиросимую,

прозвучавшее, как набат.
Не земной, космической силою,
отраженное в сотни крат.

Снова в храмах — свечи и пение,
снова плачут колокола.
И людское столпотворение
у больничных тесных палат.

Горе сделало бескорыстными
миллионы разных людей:
здесь не борются с террористами,
здесь спасают мертвых детей!
г. Орел.

Николай ПЕРОВСКИЙ ОКТЯБРЬ

Повисли морозащие туманы,
И солнце оказалось не у дел,
Откочевали птички караваны,
И сразу небосвод осиротел.

И падалица пахнет кислой прелью,
И все плотнее утренняя мга,
И над широкой лиственной постелью
На ощупь ходят первые снега.

Юрий ОНОПРИЕНКО

БОЛЬШОЙ ГНОМИК

ЖИТЕЙСКИЙ АНЕКДОТ

Высоцкого; если кто говорил, что тоже его любит, Алик Рябов злился и кричал, что тот ничего не петрит в Высоцком.

Ты, наверно, встречал таких людей: они тебе и Россию не позволят любить; для них Россия словно жена, любить ее могут только они сами, а тебя за эту любовь зарежут.

Питается Алик крупной, коей припас три сундука; держит козу, которую, коли не даётся в дойку, пинает по бокам, прижимает к стенке и доит насильнически, чтоб молоко не перегорало.

Работает же он делопроизводителем в одной поселковой конторе, мечет справки. Причем и на этом тихом месте зверствует; добыть у него законную свою бумажку непросто, Алику мешает то его больной копчик, то твой небритый вид.

Словом, комплекс Наполеона, тайну всякого нерослого молодца, Алик подцепил прочно и борется с ним самыми дурными военманёврами.

Так, однажды он кинулся с моста огненной шевелюрой прямо на молодой ноябрьский ледок. Хряпнула едва застывшая речная зеркалка, мотнулись над нею коротенькие Аликовы ножки, скрылся барабашка под водой.

Прыгал не на спор, не спьяну, а просто так, гуляючи. Через минуту вылез, головастик осенний, войлочный затылок весь в пару, колкая ледышка за пазухой.

— Луна, стерва круглая, — говорит, — на меня очень всегда влияет.

А луна в небе сама от его прыжка дрогнула и с испугу плотной дымяшкой-шторкой задёрнулась.

еще казались чистыми.

Братья бродили от сонного еноста к линючей лисе, каникулярная детвора оттирала Алика от всего другого. Он слегка злился; притом брату, как и ему, понравился один и тот же страус с глупейшими, смешно выпадающими из орбит глазами.

И пока брат неумеренно им восхищался, заревновавший Алик пробился с куском колбасы куда-то к медведю, отщёлкнул гремучую дверцу и торжественно вошел.

Медведь, весь в пуховых клакостых заплатах, принял Рябова, будто давнего кореша; одним когтем хапнул синюю колбасу, вторым хопнул по плечу и

ника и теперь воодушевленно презирал всех дам. А эта к тому же так мала, что схоронится и под табуреткой.

— Сквозь забор лезли, что ли? — мельком спросила мизерная врачиха.

Чего бы Алику не кивнуть!

Но нет же: в словах о заборе ему почудилась ирония — «сквозь», вишь ты. Наполеонство тотчас взыграло, и Рябов с любезным ядом буркнул:

— Медведь это, недавно как из тайги.

Правду, в общем-то, сказал. Однако врачиха, видать, тоже с комплексом, потому что сразу надудась и решительно вписала уко-

спокойненько.

Хлоп, телеграмма из Орла. Требуется явиться на уколы — во избежание, и ты-ды.

Сейчас, разогнался. Выкинул бумажку Алик — без раздумий, словно надоедливую предвыборную агитку.

Однако недели через две почтальон пришлёл опять — потерянный такой, потому как с милиционером:

— Распишись.

Это посланье уже сродни повестке, с нешуточной угрозой: «Будем вынуждены... принудительное лечение...». Значит, с конвоем под уколы увезут.

Рябов кулаком стучит, в Орел брату трезвонит:

— Сходи к той ведьме, узнай, чего она!

Брат через пару дней уныло отвечает:

— Она согласна от тебя отстать, только хочет справку, что медведь здоровый...

— Так возьми!

— Так уехали звери!

Заметался Рябов. Открылось для него гноище жизни. Ну дурь, ну дурь! Про медведя — не про козу, не про свинью — справку брать... Да еще и где теперь, неизвестно.

— Он же не укусил меня, только царапнул...

— Поди ей объясни. Говорит, в области вспышка, и кошки, и даже боры есть бешеные. Чего только не откроется в жизни, коль не в ту ее дверцу стукнешь. Теперь вот и о борбах думать, что за тваря такие... Но это потом, при луне, а сейчас надо колоть пресекают.

— И где тот зверинец?
— Я узнавал: в Белгороде. По-едешь?

— А что делать, задник дорожке. Взял два выходных без оплаты, поехал.

В Белгороде, похожем на Орел всеми своими вывихами и асфальтными дырами, купил билет, пошел к зверям, даже сердце стукнуло.

Смотритель, что огрел когда-то Алика по горбине, бросал зверью мятые, будто вынутые из-под автоколеса буханки и родительски бурчал:

— Вот тебе вместо кощей... Ага, только за кошками храбрый. Мясо твое совы забрали, в золотых очках, ага...

Медведи мотали пыльными загривками, пытались дискутировать. Все сидели на месте, и белый, и гималайский — не было лишь того бурого в клокастых заплатах.

— А где у вас тут вот...
— Кешка, что ли? Неделю назад околел.

У гномовитого нашего героя и дух занялся:

— От бешенства?
Смотритель глянул строже:

— Вообще, тебе чего?
Алик-скрюка всегда не терпел себя объяснять. А тут от волнений даже раскрючился, ему восхотелось быстрее в Орел, чтоб отдать свой копчиковый «задник» под оставшиеся двадцать семь спасительных пуль. Он бормотал и пятил к выходу.

Но смотритель взял обмякшего Рябова за поджившее плечо и сурово увёл к администратору.

Начальник, а затем и вся понемногу сошедшаяся к разговору зверинцевая республика слушали Алика в гробовом молчании. Когда же он кончил, грянул хохот, в котором были и визг, и хрюк — видно, смеялись не только люди.

Потом шальному гостю выдали справку: «Подмосковный передвижной зоопарк. Удостоверяем, что бурый медведь Иннокентий всегда был в полном здравии и опасными болезнями не страдал, умер от старости».

Карлица прочла справку, пожалала острыми плечами:

— Как я могу верить, может, вас гималайский цапнул...

Наверняка, тоже умела вредничать со справками. Но не подолгу. Видя новое позеленение Рябова, усмехнулась:

— Ладно, хорошо, отменяю уколы.

Усмешка у нее вышла чуть даже грустноватой; видно, жалеет, что забава кончилась, подумал хмурый Рябов.

А брат потом говорил Алику: — Дурак ты, гномик, как она на тебя смотрела...

Рябов оставил это без внимания. Знаешь, он до сих пор уверен, что всякая жена — как держава; ее каждый любить норовит, а это непозволительно.

Из новой книги автора «Одинокая сорока» (Орёл, «Вешние воды», 2004 год).